
А. И. ПЕРШИЦ

РАЗВИТИЕ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ В ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ОСНОВА ПЕРИОДИЗАЦИИ ЕГО ИСТОРИИ

Ф. Энгельс, говоря о родовом строе германцев, писал: «...вопрос не стоит уже больше так, как он ставился еще от Маурера до Вайца, — о общей или частной собственности на землю, — теперь вопрос стоит о *форме* общей собственности»¹.

Приходится отметить, что если вопрос о характере первобытно-общинной собственности в целом представляется решенным, то поставленный Энгельсом вопрос о развитии ее конкретных форм не получил в литературе должной разработки. Между тем он имеет большое значение не только для правильного понимания отдельных археологических культур и этнографических обществ, но и для разработки такой кардинальной проблемы, как периодизация первобытной истории. Дискуссия о периодизации истории первобытного общества, проходившая в 1952—1953 гг., показала, что у нас еще существует множественность периодизаций, в основу которых положены частные, хотя и важные признаки: материал и техника изготовления орудий труда — у археологов, формы общественной организации — у этнографов. Но единственно правильным критерием периодизации может быть только тот, который положен в основу всей марксистской периодизации исторического процесса, — способ производства. Отсюда очевидно, что задача периодизации первобытной истории заключается в том, чтобы выявить периоды становления, расцвета и разложения первобытно-общинного способа производства, в частности выявить различия в формах первобытно-общинных производственных отношений, основу которых составляли определенные формы собственности на средства производства.

Основным средством производства в первобытном обществе являлась земля, к которой с экономической точки зрения относились также водоемы, леса, недра. Земля, как указывает Маркс, была не только первоначальной кладовой пищи первобытного человека и первоначальным арсеналом его средств труда, не только предметом труда, но и всеобщим средством труда, «потому что она дает рабочему *locus standi* [место, на котором он стоит], а его процессу — сферу действия (*field of employment*)»². Это определяет исключительное значение земли среди других средств производства, а следовательно и значение форм земельной собственности.

Среди орудий производства главную роль играли механические средства труда — каменные и иные орудия, оружие и т. п. Позднее в состав средств производства большей части человечества важное место занял скот. Наряду с земельной собственностью, собственность на орудия и скот определяла собой характер производственных отношений первобытного

---

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 145.

² К. Маркс, Капитал, 1950, т. I, стр. 187.

Настоящая статья не ставит задачей установить и охарактеризовать все формы и варианты первобытной собственности, существовавшие у первобытного человечества в различные времена и при разных видах хозяйственной деятельности. Для этого необходима целая серия специальных и весьма солидных исследований. В данном случае делается лишь попытка предварительно наметить исторические формы первобытной собственности на главнейшие средства производства и проследить общую тенденцию развития этих форм.

1

Трудно что-либо сказать о характере собственности в самый ранний период развития человечества — эпоху питекантропа, синантропа и неандертальца. Археологический материал без соответствующих этнографических параллелей здесь нем, этнография же никогда не знала людей, стоявших на подобной стадии развития. Но одно несомненно: рассматривая это время как этап перехода от животного состояния к человеческому обществу, мы неизбежно должны признать, что именно тогда происходило постепенное становление тех форм собственности, которые мы находим в позднейшем человеческом обществе.

В. И. Ленин в письме к М. Горькому характеризует начальный период человечества как время обуздания «зоологического индивидуализма»³. Ископаемый человек приспособлялся к окружающим условиям не только путем биологических изменений, но и путем избавления от животного индивидуализма, животной анархии⁴. Он приобретал сознательные навыки коллективного труда, приучался к взаимной терпимости в распределении пищи, в половой жизни, постепенно осознавал свою связь с другими членами коллектива. Уровень производительных сил в эпоху раннего палеолита был таков, что выжить могли лишь те группы, которые выработали в себе черты коллективизма и прежде всего кооперировали трудовые усилия своих членов; общий же труд, как замечает И. В. Сталин, вел к общей собственности на средства производства, равно как и на продукты производства⁵. Таким образом, постепенное становление уже в самый ранний период развития человечества коллективной собственности на основные средства производства, прежде всего на кормовую территорию, было закономерным и неизбежным действием закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. О наличии уже у неандертальца общей собственности на продукты производства косвенно свидетельствуют такие археологические факты, как, например, большие, несомненно коллективные запасы охотничьей добычи в альпийских мустьерских гротах Петерсхеле и Драхенлох⁶.

В это же время, наряду с коллективной собственностью, должны были возникать и те формы личной собственности на ручные орудия труда, которые мы находим позднее, в уже сформировавшемся человеческом обществе⁷.

Но указанному полуживотному периоду в истории первобытного человечества нельзя приписывать какие-либо установившиеся социальные нормы. Следовательно, это период не сущ е с т в о в а н и я, а лишь с т а н о в л е н и я форм первобытной собственности. Этот период, характеризующийся становлением присущих человеческому обществу социальных начал, удачно назван в литературе эпохой первобытного человеческого стада.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 93.

⁴ См. Я. Я. Рогинский, Проблема происхождения homo sapiens, «Успехи современной биологии», 1936, т. 9, вып. 1 (4).

⁵ И. Сталин, О диалектическом и историческом материализме, 1952, стр. 26.

⁶ П. П. Ефименко, Первобытное общество, 3-е изд., Киев, 1953, стр. 234—237.

⁷ См. ниже, стр. 22 и сл.

С переходом к позднему палеолиту и появлением *homo sapiens* первобытное человечество вступило на ту стадию развития, для понимания которой мы имеем возможность с известной долей приближения использовать данные этнографии.

Наименее развитыми из известных этнографии обществ являлись племена бродячих охотников и собирателей — тасманийцы, австралийцы, бушмены, ведда, аэта и некоторые другие. По характеру выделяемых инструментов труда эти племена еще в XVIII—XIX вв. напоминали поздние палеолитическое и раннеолитическое общества. Поэтому особенно существенны свидетельства о формах собственности на основные средства производства, имеющиеся в отношении этих племен.

О тасманийцах — едва ли не самой отсталой из известных нам групп человечества, полностью истребленной в XIX в., — сведений очень мало. Все же имеются сообщения, что отдельные территории острова принадлежали коллективам, насчитывавшим до 50 человек, — так называемым ордам или локальным группам⁸. Более определенны свидетельства о коллективной собственности в локальных группах австралийцев. «Племя арунта, — сообщают Спенсер и Гиллен, — распадается на значительно число небольших локальных групп, каждая из которых занимает и, помимо прочего, владеет определенной частью страны, границы которой туземцам хорошо известны»⁹. «Эти локальные группы, — пишет Семон, — составляют единое целое, небольшой локальный союз, насчитывающий обычно 40—50 членов, живущих совместной охотой на общей территории, которую они рассматривают как свою собственность»¹⁰. Аналогичны сообщения Хоуитта, Брауна, Юнга и ряда других авторов¹¹. Коллективный характер потребления в австралийской локальной группе на большом этнографическом материале показан Малиновским¹². Кунов, который потратил много сил на то, чтобы опровергнуть это положение, в конце концов должен был признать, что «в целом раздел приводит в большинстве случаев все-таки к тому, что почти всякий взрослый человек, находящийся в становище, получает что-нибудь»¹³.

У ведда, по словам Зелигмана, локальные группы, из которых состоит общество, сообще обладают правом охоты, собирания меда, рыбной ловли в потоках и обитания в пещерах на определенной территории¹⁴. То же говорит Шебеста о семангах Малакки. У них племя распадается на группы или орды, «в пределах которых никто не владеет землей, ибо она — собственность орды и ею наследуется»¹⁵. В отношении аэта о коллективной собственности всей локальной группы на кормовые угодья сообщает Вановверберг¹⁶, о коллективном потреблении охотничьей добычи — миссионер Мозо в 1763 г.¹⁷. Аналогичны данные о бушменах: они разделены на орды из нескольких десятков человек, каждой из которых принадлежит определенная охотничья территория, рассматриваемая как общая собствен-

⁸ H. Ling Roth, *The Aborigines of Tasmania*, Halifax, 1899, стр. 72.

⁹ B. Spenser and F. Gillen, *The Arunta*, London, 1927, vol. I, стр. 8.

¹⁰ R. Semon, *In australische Busch und an den Küsten Korallenmeers*, Leipzig, 1896, стр. 248.

¹¹ Сводку по этому вопросу см. в работе А. М. Золотарева «Происхождение экзотических племен» (Изв. ГАИМК, 1931, т. X, вып. 2—4, стр. 38).

¹² B. Malinowski, *The family among the Australian Aborigines*, London, 1913, стр. 284 и сл.

¹³ Г. Кунов, *Всеобщая история хозяйства*, М.—Л., 1929, т. I, стр. 61.

¹⁴ C. Seligman, *The Veddas*, Cambridge, 1911, стр. 62.

¹⁵ P. Schebesta, *Gesellschaft und Familie bei den Semang auf Malakka*, «Anthropos», 1928, Bd. XXIII, стр. 235—236.

¹⁶ M. Vanoverbergh, *Negritos of Northern Luzon*, «Anthropos», 1925, Bd. XI, № 1—2, стр. 148 и сл.

¹⁷ «The Philippine islands 1493—1898», v. 48, стр. 96. Цитировано по Г. Кунову, Указ. раб., стр. 82.

венность всей орды¹⁸; все члены орды имеют свою долю в добыче каждого¹⁹.

Нет нужды умножать число подобных примеров. Очевидно, что в обществах бродячих собирателей и охотников не существовало иной формы собственности на землю, кроме общей собственности всего производственного коллектива. Что представлял собой этот коллектив? Повидимому, род, хотя и в специфической, обусловленной определенными конкретно-историческими условиями форме. Действительно, у тасманийцев локальная группа экзогамна и, судя по некоторым данным, тотемна²⁰. Вопрос о роде у австралийцев сложен и все еще до конца не ясен; можно думать, что в прошлом локальная группа совпадала с материнским родом и лишь впоследствии, с деформацией (в условиях колонизации) всего родового строя, это совпадение нарушилось²¹. О локальных группах семангов²² и бушменов²³ вполне определенно сообщается как о кровнородственных коллективах; так же, повидимому, могут рассматриваться экзогамные локальные группы ведда²⁴.

Повсюду здесь род выступает недостаточно четко, родовой и производственный коллективы совпадают не полностью. Однако не следует забывать о том длинном историческом пути, который отделяет известные этнографии общества охотников и собирателей от их первобытных предков. На протяжении этого пути первобытная родовая община должна была претерпеть значительные изменения, связанные с условиями географической и особенно исторической среды, с влиянием более развитых цивилизаций, колонизацией и т. п.²⁵.

Так, в Тасмании и Австралии родовые общины могли измельчать и частично утратить свою монолитность еще до европейской колонизации ввиду отсутствия крупных и опасных объектов охоты. Бушмены, ведда, аэта ко времени их изучения уже пользовались железными орудиями, получаемыми от соседних народов: эти новые производственные возможности не могли не отразиться в какой-то степени на их социальной организации, способствовали частичной деформации первоначальной родовой общины.

Довольно отчетливые формы общеродовой собственности на землю известны у племен, переходящих или перешедших к оседлому охотничье-рыболовному хозяйству, — андаманцев²⁶, ительменов, а из уже перешедших к мотыжному земледелию — у некоторых папуасских племен Меланезии. Все это племена с неолитической в основном техникой производства орудий, с развитым родовым строем.

У ительменов, по словам Крашенинникова, «жители острожка, расположенного по какой-нибудь реке, считают ее владением своего рода и

¹⁸ S. Passarge, Die Buschmänner der Kalahari, Berlin, 1907, стр. 31.

¹⁹ I. Barrow, An Account of Travels into the Interior of S. Africa in the year 1797/98, London, 1804, v. I, стр. 287; H. Lichtenstein, Reise in südlichen Afrika, Berlin, 1912, Bd. II, стр. 3.

²⁰ J. Backhouse, Narrative of a Visit to the Australian Colonies, London, 1843, стр. 171; А. Б. Пиотровский, Тасманийцы, «Советская этнография», 1933, № 3—4, стр. 172.

²¹ Современная локальная группа австралийцев обычно в основном совпадает с отцовским родом (см. А. Элькин, Коренное население Австралии, М., 1952, стр. 93, примечание С. А. Токарева), однако, как справедливо указывает С. П. Толстов, «„патриархальные“ элементы общественной организации австралийцев должны рассматриваться как результат распада их древней, последовательно матриархальной организации за последние 150 лет под влиянием европейской колонизации» (С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, «Советская этнография», 1946, I, стр. 27—28).

²² P. Schebesta, Указ. раб., стр. 236.

²³ I. Schapera, The Khoisan Peoples of South Africa, London, 1930, стр. 81 и сл.

²⁴ См. А. М. Золотарев, Указ. раб., стр. 27.

²⁵ См. С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 27.

²⁶ A. R. Brown, The Andaman Islanders, Cambridge, 1922, стр. 23 и сл.

оттуда на другую реку никогда не переселяются... Вдоль каждой реки : вут члены одного рода, происходящие от одного прародителя»²⁷.

Родовому строю меланезийцев посвящена одна из ранних ра С. А. Токарева²⁸, содержащая обширную сводку данных о собственно производстве и потреблении в меланезийской родовой общине. Несмотря на известную искусственность в расположении и освещении материала обусловленную стремлением автора отграничить первобытную «тотемическую» общину от «родовой», материал, по крупицам собранный С. А. Токаревым, представляет большую ценность. Он с очевидностью показывает, что родовая собственность на землю и связанные с этим коллективистические формы производства и потребления были характерны для не менее развитых папуасских племен внутренних областей больших островов Меланезии — банаро, папуасов бассейна р. Мамберамо и других. Собранные С. А. Токаревым данные могут быть дополнены сообщениями Г. Паудермекера о коллективной земельной собственности и совместном труде в родовых общинах племени лезу (Н. Ирландия)³⁰. Заслуживает быть особо отмеченным, что у племен Н. Британии зафиксирована принадлежность земельной собственности матрилинейным фратриям, т. е. первоначальным архаическим родам³¹.

Итак, собственность на «всеобщее средство труда» в племенах, уровню производства наиболее близких к обществу позднепалеолитического и неолитического времени, являлась коллективной собственностью родовой общины. Но земля, будучи главным, не была единственным средством производства: наряду с ней существовали орудия, транспортные средства, скот.

Этнографический материал показывает, что в коллективной собственности даже сравнительно поздней родовой общины могли находиться многие орудия производства, особенно такие, изготовление и сохранение которых требовало коллективного труда. Это прежде всего огонь, находивший самое широкое применение в производстве орудий, охоте загонной и выкуриванием из нор, подсечном земледелии и, возможно, сыгравший немаловажную роль в приручении животных. Отношение к огню как к родовой собственности, не могущей быть переданной члену другого рода, известно у нивхов, чукчей, эвенков, алтайцев и у целого ряда других народов. Родовой собственностью являлись рыболовные сети у центральных племени (Калифорния)³², большие лодки у ряда прибрежных племен Меланезии (Н. Гебриды, Шортлендские о-ва)³³ и т. п.

Известны факты существования родовой собственности на ручное оружие. Так, например, по сообщению Риверса, у меланезийцев о. Амбрия древнее оружие — копья и палицы принадлежали всему роду, в то время как луки и пращи, вошедшие в обиход недавно, являлись личной собственностью³⁴. Такие сообщения, впрочем, весьма редки и, может быть, мало достоверны. Огромное количество этнографических данных, относящихся ко всем частям света, показывает, что в соответствии с характером своего изготовления и использования ручные орудия труда и оружие находились в личной собственности отдельных членов родовой общины. И

²⁷ С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, М., 1948, стр. 169—170.

²⁸ С. А. Токарев. Родовой строй в Меланезии. «Советская этнография», 1933, № 2—6.

²⁹ С. А. Токарев, Указ. раб., «Советская этнография», 1933, № 2, стр. 18 и сл.

³⁰ H. Powdermeker. Life in Lesu, London, 1933, стр. 51 и сл.

³¹ G. Pheil, Studien und Beobachtungen in der Südsee, Braunschweig, 1899, стр. 21. W. Brown, Notes on the Duke of York Group, N. Britania and N. Ireland, «Journal of the Royal Geographical Society of London», 1877, XLVII, стр. 149; G. Brown, Melanesians and Polynesians, London, 1910, стр. 28.

³² E. Gifford, Notes on Central Pomo, «American Anthropologist», 1928, № 3, стр. 678.

³³ С. А. Токарев, Указ. раб., № 3—4, стр. 54.

³⁴ W. H. R. Rivers, Social organisation, London, 1924, стр. 105 и сл.

можно было обменять или подарить³⁵, они, как это широко засвидетельствовано археологическим материалом, сопровождали в могилу своего хозяина. Основываясь на подобных фактах, И. В. Сталин писал о первобытной общине: «Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства...»³⁶. Отрицать наличие личной собственности на ручные орудия труда в первобытном обществе было бы грубым упрощением³⁷, но еще более грубая ошибка смешивать эту личную собственность с частной.

Примитивные ручные орудия труда были доступны всем, потребление их служило удовлетворению главным образом общественных нужд, а производительность оснащенного ими труда была настолько низкой, что личная собственность на эти орудия не могла повести к появлению прибавочного продукта и эксплуатации человека человеком. Однако и в этих условиях над личной собственностью довел прима́т родовой собственности, исключавший возможность монопольного распоряжения личными орудиями труда. Так, даже у эскимосов Гренландии, общество которых в описываемое Ринком время далеко ушло от первоначальной родовой общины, обычай строго ограничивал накопление личной собственности: если у кого-либо был лишний лук или лишний челнок, общественное мнение принуждало передать эти вещи другому³⁸. Столь же характерно, что орудия труда, как и другие личные вещи, не могли быть свободно завещаны. Еще Лафито отмечал, что у гуронов и ирокезов личное имущество мужа не могло достаться дому жены: оно являлось законным наследством собственного рода покойного³⁹. Со времени Лафито накопилось большое число подобного рода примеров, относящихся к самым различным племенам.

«Можно представить себе владеющим единичного дикаря,— писал Маркс.— Но тогда владение не есть правоотношение»⁴⁰. Иными словами, личная собственность члена первобытной общины была скорее его отношением к вещи, нежели отношением между людьми. Этим последним отношением являлась коллективная родовая собственность, определявшая характер производственных отношений в первобытной общине.

Не вполне ясен вопрос о формах первоначальной собственности на домашних животных. Хотя ни этнографический материал, ни древнейшие исторические источники не знают примеров существования общеродовой собственности на скот⁴¹, широчайшее распространение родовых тамг позволяет думать, что эта собственность существовала даже в таких сравнительно развитых обществах, как общества кочевников-скотоводов⁴². Дру-

³⁵ У ведда, например, отец девушки дарил жениху «часть своей личной собственности — лук или одну-две стрелы...» (См. С. Seligman, Указ. раб., стр. 97). Обмен оружием был широко распространен по всей Северной Америке, в результате чего отдельные вещи передавались на огромные расстояния.

³⁶ И. Сталин, Указ. раб., стр. 26.

³⁷ Такое упрощение было допущено, например, С. И. Быковским в его статье «Энгельс и проблема происхождения общественных классов», Сб. «Пятьдесят лет книги Ф. Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“» М.—Л., 1936, стр. 817. В недавно вышедшей работе М. В. Калганова («Собственность в социалистическом обществе», изд. АН СССР, 1953, стр. 21) без каких-либо видимых оснований различаются личная собственность на орудия труда в родовом обществе и коллективная — в родовом.

³⁸ H. Rink, Tales and Traditions of the Eskimo, Edinburgh and London, 1875, стр. 9 и сл.

³⁹ J.-F. Latiteau, Moeurs des sauvages americains, comparés aux moeurs des premiers temps, Paris, 1724, v. I, стр. 72.

⁴⁰ К. Маркс, К критике политической экономии, 1953, стр. 72.

⁴¹ Единственное исключение составляет малодостоверное известие об общинной собственности на лам в древнем Перу.

⁴² Имеются и другие косвенные свидетельства: см. Л. Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, «Вопросы истории», 1954, 6, стр. 76.

гой вопрос, была ли эта родовая собственность обезличенной. Приручение диких животных требовало их длительного и прочного контакта с определенными, немногими людьми. В этой связи характерно, что в Меланезии, например, мы находим собак и свиней в личной собственности, но человек, заколовший выращенную им свинью, не вправе присвоить себе ее мясо: он должен разделить его между рядом родственников и соседей таким образом, что ему самому достается едва ли не меньше всех. Обычай обязательного дележа продуктами скотоводства и скотом широко известны у ряда скотоводческих народов Африки и Азии. Все это свидетельствует в пользу того, что если первобытной общине и была известна личная собственность на домашних животных, то она, так же как и личная собственность на ручные орудия, являлась лишь конкретной формой существования коллективной родовой собственности. Во всяком случае обобщенной формы собственности, характерные для второй эпохи развития первобытного общества, не противостояли друг другу: общинно-родовая и личная собственность составляли неразрывное единство, определяя экономическое единство, экономическую монолитность рода.

Здесь уместно коротко остановиться на вопросе о характере родового единства. Выражение «экономическая монолитность рода» не следует понимать формально. Не нужно думать, что весь род всегда и все производил и потреблял в полном своем составе. В зависимости от естественных условий местности и сезонных условий охоты, рыболовства, собирательства, в зависимости от формы хозяйственной деятельности и численности коллектива родовая община в одних случаях трудилась сообща, в других распадалась на меньшие группы ближайших родственников, вновь образуя единый коллектив, когда этого требовали обстоятельства. Подобного рода внутриродовые группки мы находим уже внутри локальной группы собирателей и охотников семангов. Такая группа, по словам Шебеста, «асос образует стойбище, которое разделяется с тем, чтобы потом собраться вместе», тем не менее «эта кровнородственная орда составляет единое целое, внутри которого отдельные семьи делят между собой пищу взаимно помогая друг другу в работе»⁴³. По сообщению Рэдклиф-Бруна локальная группа полуоседлых охотников и рыболовов андаманцев большую часть года совместно проживала в главном лагере, а в остальное время в связи с началом сезона рыбной ловли и сбора черепаших яиц разбивалась на более мелкие группы ближайших родственников⁴⁴. У папуасов бассейна р. Мамберамо рубка и выжигание леса, а также последующее огораживание расчищенных участков земли производились соединенными силами всех мужчин родового поселка, посадка же клубней бататов велась женщинами на обособленных участках крупных отдельных домохозяйств⁴⁵. Естественно, что с разрастанием внутриродовых групп увеличивалась их экономическая самостоятельность по отношению к роду, они как бы превращались в дочерние роды и теряли локальное единство. Классическим примером такой внутриродовой группы является описанный Морганом длинный дом — овачира ирокезов, ко времени колонизации Северной Америки уже стоявших на грани распада родового строя.

Говоря о монолитности первобытно-общинного коллектива, нельзя не остановиться и на вопросе о парной семье и ее хозяйственной роли. Теория изнаичальности моногамной семьи продолжает иметь хождение в буржуазной науке. Ее сторонники ссылаются на сообщения, согласно которым уже у тасманийцев, австралийцев и других наименее развитых племен в период знакомства с ними европейцев имелась отдельно кочующие и хозяйствующие индивидуальные семьи. У семангов, по словам Шебеста,

⁴³ P. Schebesta, Указ. раб., стр. 236.

⁴⁴ A. R. Brown, Указ. раб., стр. 29.

⁴⁵ С. А. Токарев, Указ. раб., № 3—4, стр. 48—49.

кочующая группа «может состоять из семьи в строгом смысле слова, т. е. из отца, матери и детей, хотя в большинстве случаев состоит из ряда родственных семей»⁴⁶. То же сообщает Рэдклиф-Броун об андаманцах⁴⁷, а в отношении австралийцев значительный материал этого рода подобран в специальной работе Малиновского⁴⁸. В данном вопросе необходимо различать две принципиально различные стороны: факт существования таких семей и их экономическое значение.

«Известное сожитительство парами, — указывает Энгельс, — на более или менее продолжительный срок, имело место уже в групповом браке или еще раньше»⁴⁹. Несомненно, что эти сожительствующие пары и у современных отсталых народов, и в первобытном обществе могли временами бродить отдельно, занимать отдельную хижину в общем стойбище или отдельное помещение в общем доме, делать известные запасы. Однако все это не делало пару экономической ячейкой общества. Пара не имела в своем распоряжении индивидуального участка кормовой области, принадлежавшей, как мы видели, всему родовому коллективу. Личное имущество мужчины и женщины, в силу их принадлежности к разным родам, было разделено: это широко засвидетельствовано и для такой уже деформированной семьи, как семья австралийцев⁵⁰, и для настоящих парных семей племен Меланезии и Америки. В Меланезии случается, что за ущерб, причиненный мужем имуществу жены, он должен рассчитываться с ее родом⁵¹. Имеются многочисленные свидетельства о том, что парные семьи у этих племен не самостоятельны и в области потребления: коллективное потребление в ирокезской овачира достаточно определенно охарактеризовано Морганом, о местах для «коммунальной варки пищи» в меланезийских родовых поселках говорят Г. Паудермекер⁵², Бургер⁵³ и другие авторы. Наконец, есть не менее выразительные данные, показывающие, что даже при матрилокальном поселении муж сохранял известные хозяйственные связи со своими сородичами, помогая им в работе, делясь с ними добычей и т. п. Очевидно, что не только эпизодически сожительствовавшие пары, но даже более постоянные парные семьи не могли нарушить экономическую консолидированность родового коллектива. Как личная собственность поглощалась общинной, так индивидуальное хозяйство поглощалось коллективным, а парная семья — родом.

Это последнее обстоятельство — отсутствие иной формы экономической организации общества, кроме кровнородственных связей, — следует признать специфичным для рассматриваемого этапа первобытности. Общину коллективных собственников образовывали кровные родственники, ибо родство было простейшей формой связи, единственно возможной на той стадии развития общества. Недаром включение чужеродца в коллектив всегда сопровождалось его усыновлением, установлением, за отсутствием биологического родства, родства общественного. «Все более ранние первобытные общины покоятся на кровном родстве своих членов», — писал Маркс в черновиках писем к В. Засулич⁵⁴. Эту же мысль он еще более определенно сформулировал в «Капитале»: древнейшие производственные организации покоятся на «незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественно-родовых связей с другими людьми...»⁵⁵. Разумеется, речь могла идти только о материнском родстве. В ус-

⁴⁶ P. Schebesta, Указ. раб., стр. 236.

⁴⁷ A. R. Brown, Указ. раб., стр. 23.

⁴⁸ B. Malinowski, Указ. раб.

⁴⁹ Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 45.

⁵⁰ См., например, E. Curr, Australian Race, Melbourne, 1886, v. I, стр. 66.

⁵¹ R. Neuhaus, Deutsch-Neu-Guinea, Berlin, 1911, Bd. III, стр. 85.

⁵² G. Powdermaker, Указ. раб., стр. 51.

⁵³ F. Burger, Die Küsten- und Bergvölker der Gazellehalbinsel, Stuttgart, 1913, стр. 50.

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 680.

⁵⁵ К. Маркс, Капитал, 1950, т. I, стр. 85.

ловиях группового брака род мог возникнуть только как матрилинейный род, и поэтому производственные отношения в первобытной общине в основном совпадали с материнско-родовыми отношениями, коллективная собственность была собственностью материнского рода, первобытной материнско-родовой общины⁵⁶.

3

В развитом неолите и особенно с началом века металлов производительные силы первобытного общества заметно шагнули вперед. Археологический материал свидетельствует о дальнейшем развитии специализированной охоты или рыболовства в одних районах, земледелия или скотоводства — в других. Возрастает техническая вооруженность человека в его борьбе с природой: появляются шлифованный и просверленный топор, лодка, распространяются культурные растения и различные породы домашних животных. В результате возникают объективные условия для хозяйственной жизни численно меньших коллективов, так или иначе самостоятельных по отношению к родовой общине. Археологически, в самом общем виде, этот процесс отражен некоторым уменьшением размеров жилищных жилищ (например, у трипольцев или у обитателей свайных построек Швейцарии)⁵⁷. Более конкретное представление о происшедших изменениях дает этнография.

У ирокезов, ко времени колонизации Северной Америки еще только вступающих в медный век, «индеец мог сделаться владельцем никем не занятого участка земли, если он его обрабатывал, и в этом случае он укреплял за собой право на пользование землей, признаваемое и охраняемое обычаями племени»⁵⁸. У целого ряда племен Меланезии, стоявших приблизительно на такой же стадии развития, также намечалось семейное владение участками родовой земли (племена побережья залива Папуа, островов Бугенвиль, Амбрим, Сан-Кристобаль, киваи на Н. Гвинее); местами эти участки даже передавались по наследству (Порт Моресби, северо-западная часть британской Н. Гвиней)⁵⁹. Еще больше чем в земледелии производственные возможности открывались в разведении домашних животных, значение которого в позднем неолите повсеместно возросло.

Появившаяся возможность «парцеллярного труда как источника частного присвоения»⁶⁰ сделалась могучим фактором превращения коллективной собственности в частную, а средоточием этого процесса стала патриархальная семейная община — основная ячейка вновь возникшего отцовского рода.

Дело в том, что известная возможность присвоения в рамках отдельных семей повлекла за собой принципиальное изменение в характере первобытной родовой общины: на смену материнскому роду пришел отцов-

⁵⁶ Мы не касаемся здесь вопроса о матриархате; отметим лишь попутно, что наблюдаемое в развитом материнском роде общественное преобладание женщины, очевидно, также связано с наличием материнско-родовой собственности на основные средства производства. При матрилокальном поселении реальными коллективными собственниками оказывались именно женщины, братья и сыновья которых уходили в селение жены. Говоря об основах матриархата, обычно ограничиваются указаниями на последствия разделения труда между полами и оставляют без внимания весьма важное, на наш взгляд, замечание Энгельса: «Коммунистическое домашнее хозяйство, в котором все женщины или большинство их принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины принадлежат к различным родам, служит реальной основой того повсеместно распространенного в первобытную эпоху господства женщины, открытие которого составляет третью заслугу Бахофена» (Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 48—49. Разрядка наша.— А. П.).

⁵⁷ См. Е. Ю. Кричевский, Индогерманский вопрос, археологически разрешенный, «Известия ГАИМК», 1933, вып. 100, стр. 170 и сл.

⁵⁸ Л. Г. Морган, Дома и домашняя жизнь американских туземцев, Л., 1934, стр. 52.

⁵⁹ С. А. Токарев, Указ. раб., № 3—4, стр. 60—61.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 695.

ский. С развитием скотоводства, подсечного и ирригационного земледелия, высокоразвитой охоты и т. п. хозяйственное значение мужчины значительно возросло. Между тем при матрилокальном поселении мужчина не был членом родовой общины того селения, где он жил, и в то же время он все более отрывался от своей собственной родовой общины. В этих условиях постепенно создавалась собственность, отдельная от родовой, которую отец стремился передать своим, теперь уже известным ему сыновьям. О прямой связи между зарождением этой отдельной собственности и возникновением отцовского счета родства говорят обычаи ряда племен, описанных на стадии перехода от материнского к отцовскому роду.

По свидетельству Кодрингтона, у меланезийцев о. Флориды и Бансковых островов издавна возделываемые родовые земли оставались внутри материнского рода, но индивидуальные участки семей, собственными силами отвоеванные у леса и возделанные, передавались, как и движимое имущество, от отца к детям⁶¹. Аналогичный порядок зафиксирован у северной группы туарегов, в XIX в. еще сохранявшей материнско-родовую организацию. Здесь различались два вида собственности: «незаконная», полученная по наследству от материнских родичей или добытая с помощью рода, и «законная», добытая собственным трудом. Первый вид собственности наследовался внутри материнского рода, второй — передавался отцом сыновьям⁶². У гереро, на переходное состояние которых от материнского рода к отцовскому указывает двойной счет родства, земельная собственность и козы оставались в материнском роде, основной же скот — коровы и овцы — наследовались по отцовской линии. При разделе наследства здесь еще нередки были столкновения между детьми покойного и его материнской родней, и обычно отец, умирая, стремился различными способами закрепить имущество за своими детьми. Приводя эти данные о гереро, Д. А. Ольдерогге пишет: «Здесь ясно сказываются крепнущие новые семейные отношения: семья выделяется из рода и старается удержать имущество у себя»⁶³.

Энгельс не раз подчеркивал, что именно появление частных богатств обусловило превращение материнского рода в отцовский, а вместе с тем и начало распада всего родового строя.

«...Богатства,— писал Энгельс,— поскольку они однажды перешли в частное владение отдельных семей и быстро у них умножились, нанесли сильный удар обществу, основанному на парном браке и на материнском роде»⁶⁴. В другом месте Энгельс указывал: «Материнское право уступило место отцовскому; и с этим возникающее частное богатство пробивает свою первую брешь в родовом строе»⁶⁵. Действительно, пришедший на смену материнскому отцовский род с самого начала выступал как форма распада первобытной общины. Не род, а большая семья, несшая с собой начала частной собственности, являлась на данном этапе развития общества его основной хозяйственной ячейкой. Это положение достаточно хорошо показано в ряде специальных работ: из последних назовем работы Д. А. Ольдерогге о патриархальной семье у банту⁶⁶. М. О. Косвена о семейной общине на Кавказе⁶⁷ и его обобщающую работу о семейной общине⁶⁸.

⁶¹ R. H. Codrington, *The Melanesians*, Oxford, 1891, стр. 62 и сл.; ср. W. H. R. Rivers, *The history of Melanesian society*, Cambridge, 1914, v. 1, стр. 55 и сл.

⁶² A. Duveugier, *Les Touaregs du Nord*, Paris, 1864, стр. 393 и сл.

⁶³ Д. А. Ольдерогге, Энгельс и проблема происхождения отцовского рода, Сб. «Пятьдесят лет книги Ф. Энгельса...», стр. 865.

⁶⁴ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи...*, стр. 55.

⁶⁵ Там же, стр. 102.

⁶⁶ Д. А. Ольдерогге, Из истории семьи и брака, «Советская этнография», 1947, 1.

⁶⁷ М. О. Косвен, Очерки по этнографии Кавказа, гл. 1 — Семейная община, «Советская этнография», 1946, 2.

⁶⁸ М. О. Косвен, Семейная община, «Советская этнография», 1948, 1.

Но будучи основной, большая семья, конечно, не могла быть самодеющей экономической ячейкой общества. Первобытное земледелие, к правилу, связанное с подсекой леса, ирригацией или дренажными работами, требовало совместных усилий численно больших коллективов. В скотоводстве, особенно кочевом, условия прокорма и размножения стад вызвали необходимость их дробления, но устройство водоемов и охрана пастбищ и стад также требовали коллективных усилий. В охотничьем рыболовческом хозяйстве ту же роль обычно играли облавные охоты, с оружием загонов, запруд и т. п. Поэтому во всех случаях семейная община не могла стать экономически вполне самостоятельной, и хотя на данном этапе возможности частного присвоения значительно возросли, продолжала оставаться экономически связанной с другими подобными же семьями. Однако теперь эта связь редко носила только кровнородственный, родовый характер. Возросшая самостоятельность отдельных семейных общин, а вместе с тем разнообразные формы перехода от материнского рода к отцовскому, смена матрилокальности патрилокальностью и матрилинейности патрилинейностью не могли не вызвать массовой децентрализации родовых коллективов. В селениях, теперь, как правило, состоящих из нескольких различных родовых групп, распадавшиеся родовые связи переплетались с соседскими. Возникла соседская община, эта, по выражению Маркса, последняя фаза первичной общественной формации.

Под соседской общиной в широком смысле слова следует понимать не только такую сравнительно позднюю организацию, в которой большинство семей не родственно между собой, а родовые связи полностью распались, но и такую, которая состоит из нескольких, даже немногих, подразделений разных родов, связанных между собой теми или иными экономическими отношениями. Совокупность этих семей и патронимий, разбросанных в разных соседских общинах, образует децентрализованный отцовский род; поэтому с точки зрения исторической перспективы отцовский род и соседская община — явления в значительной степени одновременные⁶⁹. В тех случаях, когда в селении имеется несколько домохозяйств, принадлежащих к одному роду, между ними существует известная связь, переплетающаяся с соседскими связями. К сожалению, это переплетение совершенно не изучено, так как полевые этнографы, обычно ставившие себе задачу выявить пережитки только родовой организации, как правило, не обращали внимания на организацию соседскую.

Тем не менее имеется немало фактов, показывающих сосуществование отцовского рода и соседской общины. В папуасском племени мекео (Н. Гвинея) деревня состояла из нескольких подразделений различных отцовских родов. Семьи каждого рода образовывали особые кварталы. В соответствии с этим во всех селениях имелась земля, принадлежавшая всей деревне, земля, принадлежавшая группе родственников между собой семейных общин, и земля, принадлежавшая отдельным семейным общинам⁷⁰. Сходные порядки отмечены в Меланезии на Шортлендских островах, Н. Гебридах, о. Амбрим, причем в отношении последнего сообщается особенно определенно: земля принадлежит деревне в целом, но отдельные участки ее распределены между различными проживающими здесь родовыми группами⁷¹. То же зафиксировано на Фиджи, где до второй

⁶⁹ Здесь и выше имеется в виду такой, все же наиболее распространенный порядок, когда материнско-родовая организация переходит в отцовско-родовую. Но возможно, по видимому, и другой путь, при котором сменяющая первобытную материнско-родовую общину первобытная соседская община не переплетается с элементами отцовского рода, так как последний не развивается (например, у чукчей, коряков, эскимосов). Впервые поставленный С. П. Толстовым вопрос о том, «насколько патриархальный род является вообще обязательным в качестве длительно существующей последней стадии родового строя» (С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 329), ждет еще своего исследования.

⁷⁰ C. Seligman, *The Melanesians of British New-Guinea*, Cambridge, 1910.

⁷¹ С. А. Токарев, Указ. раб., № 3—4, стр. 57—58.

половины XIX в. принадлежавшая деревне общинная земля распределялась по нескольким неродственным между собой мелким родовым группам (явуза) и большим семьям (вувале); уголья здесь не распределялись и находились в совместном пользовании всей соседской общины⁷².

Переплетение отцовско-родовых отношений с соседско-общинными в ряде случаев прослеживается и у народов Северной Сибири. Таковы, например, нивхи, децентрализованный отцовский род которых некоторыми исследователями рассматривался чуть ли не как классическая родовая община. Нивхи жили селениями, состоявшими из нескольких неродственных между собой родовых групп. А. М. Золотарев и Е. А. Крейнович, изучавшие отношения внутри этих родовых групп, оставили соседские связи без внимания, но имеется весьма характерное сообщение Л. Я. Штернберга: «всякий, у кого вышли запасы (сушеной рыбы.— А. П.), берет ее у соседа без всяких возражений»⁷³. Нивхи отнюдь не составляли какого-либо исключения. Большой заслугой М. Г. Левина и Б. О. Долгих является доказательство того, что народы Северной Сибири, несмотря на сохранение у них многих элементов родовой структуры, сравнительно давно в основном перешли к объединению по территориальному принципу. Дело не менялось от того, что внутри территориальных объединений у нивхов, эвенков, чукчей и других народов встречались экономически связанные семьи одного рода: в целом род давно и повсеместно был децентрализован и уступил место территориально-производственным общинам⁷⁴. Наконец, на более позднем этапе аналогичное переплетение родовых отношений с соседскими ясно видно на примере средневековой соседской общины афганцев, представлявшей «своеобразное соединение нескольких родовых общин»⁷⁵, или же кочевой общины арабских племен Сирии, Палестины, Ирака. Здесь группа, обычно именовавшаяся «родом», но состоявшая из более или менее крупных осколков самых различных родов, совместно владела пастбищной территорией и водоемами, совместно кочевала и была связана многочисленными обычаями взаимопомощи; напротив, связь с другими осколками тех же родов была почти полностью утрачена⁷⁶.

Маркс, анализируя в черновиках писем к В. Засулич экономический строй соседской общины, подчеркивал свойственный ей дуализм: переплетение и борьбу начал коллективной и частной собственности. Позиции коллективной собственности уже не являлись прочными: они были подорваны возможностью присвоения в рамках отдельных семейных коллективов. У земледельцев сельскохозяйственный двор со всеми его орудиями и постройками, у скотоводов скот и т. д.— все это в процессе развития производительной деятельности и обмена, с появлением прибавочного продукта и развитием грабительских походов превращается из личной собственности в частную, составляя экономическую основу начинавшейся эксплуатации патриархальных рабов, соседей, сородичей. Появляющаяся частная собственность находится в противоречии с общинной собственностью на землю. Более того, пока последняя еще существует, частная собственность на двор, скот, орудия производства не может получить полного и всестороннего развития, ибо «частная собственность, как противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь

⁷² В. Seeman, Viti, Cambridge, 1862, стр. 193; L. Fison, Land Tenure in Fiji, «Journal of the Anthropological Institut of Great Britain and Ireland», 1881, v. 10, стр. 338—339.

⁷³ Л. Я. Штернберг, Гиляки, «Этнографическое обозрение», 1904, стр. 77.

⁷⁴ Б. О. Долгих и М. Г. Левин. Переход от родовых связей к территориальным в истории народов Северной Сибири, сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, т. XIV, М., 1951, стр. 96 и сл.

⁷⁵ И. М. Рейснер, Развитие феодализма и образование государства у афганцев, М., 1954, стр. 183.

⁷⁶ См. например, T. Ashkenazi, Tribus seminomades de la Palestine du Nord, Paris, 1938, и нашу рецензию на эту книгу в журнале «Советская этнография», 1947, 2, стр. 254—255.

там, где... *внешние условия труда принадлежат частным лицам*»⁷⁷. Этому с развитием и укреплением частной собственности на орудия труда и т. п. она неизбежно должна была породить частную собственность на пахотную землю, пастбища, охотничьи или рыболовные угодья. Механика этого процесса в соседской общине земледельцев показана Марксом в черновиках писем к В. Засулич. В недавнее время Л. П. Потапов, основываясь на положениях Маркса, рассмотрел вызревание частной собственности на землю в кочевой аульной общине⁷⁸. Применительно к общинам рыболовов и охотников аналогичный процесс прослеживается на примере индейцев С.-З. Америки, в частности хайда. Селения хайда в XIX столетии из некоторого числа подразделений различных, давно уже декастризованных родов. Основной экономической единицей являлась семья, причем наряду с индивидуальными семьями сохранялись семейные общины численностью до 30—50 человек. Соседские отношения в селениях хайда, к сожалению, не изучены. Исследователи сообщают, что орудия производства (лодки, сети и т. п.), а также рабы являлись частной собственностью, промысловые угодья же считались собственностью рода (т. е. не большой группы родственных домохозяйств, имевшихся в данном селении и составлявших его часть), но были разделены на наследственные семейные участки. Хозяин усадьбы, застраиваемой в течение нескольких поколений, считал землю своей и никому не давал срубить дерево вблизи своего жилья; глава сильной семьи претендовал на определенный участок и никому, кроме своих друзей, не разрешал на нем охотиться. Обладатели лучших рыболовных участков приглашали за издольное вознаграждение членов других семей помогать ловить рыбу и только по окончании лова могли разрешить пользоваться рыбалкой другим сородичам⁷⁹. Это последнее обстоятельство показывает, что от равного, направленного на удовлетворение только собственных нужд использования общинных угодий не осталось почти ничего, они фактически превратились в частную собственность. Поэтому Ю. П. Аверкиева права, когда она, исходя из того, что семейные участки не могли свободно отчуждаться, считает возможным говорить только лишь о пользе а н и и общинной землей. Частная собственность в докапиталистических формациях далеко не всегда могла быть свободно отчуждаема: ее главным признаком было не право отчуждения, а монопольное распоряжение ею, дававшее возможность эксплуатации человека человеком⁸⁰.

Конечно, история знает немало случаев, когда общинное землепользование или коллективное пользование пастбищами сохранялись в рабовладельческом или в феодальном обществе, доживая до эпохи капитализма. Но тогда общинное землепользование являлось лишь реликтовой формой, облекавшей феодальную или иную частную собственность. Поэтому во всех случаях с возникновением частной собственности на внешние условия труда первобытная соседская община, которая, «будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации»⁸¹, перестает быть первобытной, вступает в классовое общество и здесь соответствующим образом видоизменяется.

На последнем, третьем этапе развития первобытного общества в связи с появлением частной собственности и распадом экономически монолитной первобытной родовой общины меняется специфика организации производственного коллектива. В состав патриархальной семьи включились

⁷⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 688.

⁷⁸ Л. Потапов, Указ. раб.

⁷⁹ Ю. П. Аверкиева, Рабство у индейцев Северной Америки, М.—Л., 1941, стр. 37—38.

⁸⁰ См. дискуссию по указанной выше книге М. В. Калганова в журнале «Коммунист», 1954, 8, стр. 125.

⁸¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 695.

патриархальные рабы, что нарушило исключительно родственную в прошлом организацию производственного коллектива. В еще более широком и принципиальном плане бывшее совпадение производственных отношений с естественно-родственными нарушилось в соседской общине: «Земледельческая община» была первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами»⁸². Это новое явление не было, конечно, случайным. Дело в том, что широкие отношения родства, составлявшие стихийно возникшую форму производственных отношений в первобытной родовой общине, на новом этапе развития превратились в обузу, своего рода тормоз развития производительных сил. Отношения родства и связанные с ними обязанности родовой взаимопомощи препятствовали свободному накоплению имущества, становлению частной собственности, расслоению общества на богатых и бедных, — иными словами, всем тем прогрессивным началам, которые должны были прийти на смену примитивной первобытной уравнительности. Поэтому «власть этой первобытной общины должна была быть сломлена»⁸³. Едва ли можно найти к этому положению более яркую иллюстрацию, чем титул IX «Салической Правды» — «О желающем отказаться от родства», где говорится о богатом человеке, не желающем нести материальной ответственности за своих родственников и поэтому формально порывающем родственные связи. О переплетении этих родственных связей с соседскими свидетельствуют другие титулы «Салической Правды»: XLV — «О переселенцах» и LVIII — «О горсти земли». Как известно, порядки, отраженные всеми этими титулами, гораздо древнее редакции «Салической Правды».

Аналогичные порядки, т. е. стремление богатых людей уйти подальше, обособиться от своих бедных сородичей, засвидетельствованы Б. О. Долгих у якутов района озера Есай, эвенков района Эконгда.

Явившиеся на смену родовым связям связи соседские больше соответствовали содержанию новых производственных отношений. Соседские отношения позволяли всегда, когда это было нужно, кооперировать труд входивших в общину семейств и в то же время не препятствовали накоплению собственности: с сородичем нужно было делиться безвозмездно, соседу же давали в долг и обычно не без выгоды для себя. Поэтому соседские связи, дававшие удобную форму производственным отношениям эпохи, прочно держались до тех пор, пока такие порядки, как уравнильный передел и общинная регламентация (например, ограничение права продажи сельскохозяйственных продуктов в немецкой гмине), не пришли в противоречие с дальнейшим развитием частной собственности.

* * *

Все изложенное приводит нас к следующим выводам.

В начальный период развития человечества — эпоху первобытного стада — формируются коллективная собственность на основные средства производства и личная собственность на ручные орудия труда. Ведущей, прогрессивной является в это время коллективная форма собственности, которая одна только может обеспечить существование человека при крайне низком уровне развития производительных сил. С развитием и укреплением коллективной собственности первобытное человечество вступает во вторую, основную эпоху своего развития — эпоху первобытной родовой общины. Существующая на этом этапе личная собственность не противостоит коллективной: она образуется с ней неразрывное единство, является одной из конкретных форм ее существования. Однако с дальнейшим ростом производительных сил, породившим

⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 694.

⁸³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи., стр. 101.

известные возможности для частного, парцеллярного присвоения, а затем и получения прибавочного продукта, личная собственность превращает в частную. Становясь ведущей, прогрессивной формой, последняя вступает в борьбу с коллективной собственностью — теперь уже не родовая и соседская. Первобытное человечество вступает в третью и последнюю эпоху своего существования — эпоху первобытной соседской общины, являющуюся «переходным периодом от общей собственности к частной собственности»⁸⁴.

Указанные здесь основные этапы периодизации истории первобытного общества не являются новыми. Родовая и соседская общины как этапы развития первобытного общества были выделены Марксом в черновике его писем к В. Засулич; стадо как этап, предшествовавший первобытной общине, выделен Лениным в письме к М. Горькому. И первобытное стадо и первобытная родовая община так или иначе фигурируют как основные эпохи первобытной истории во всех серьезных вариантах периодизации предложенных советскими историками (С. П. Толстов⁸⁵, П. П. Ефименко⁸⁶, М. О. Косвен⁸⁷). В настоящей статье мы лишь попытались дать дополнительное обоснование — со стороны форм собственности — это периодизации Маркса — Ленина.

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 681.

⁸⁵ С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества.

⁸⁶ П. П. Ефименко, Указ. раб., стр. 16.

⁸⁷ М. О. Косвен, О периодизации первобытной истории, «Советская этнография», 1952, 3; его же, Очерки истории первобытной культуры, М., 1953, стр. 9.